

15 сентября 1979 г.

ВЕЧЕРНЯЯ АЛМА-АТА

ИСТОКИ КРАСИВОЙ СУДЬБЫ

Штрихи
к портрету

ОН РОДИЛСЯ в Петрограде. В суровую пору.

Изначальный, памятью отмеченный, шаг маленький Славик сделал по улице своего детства — Малой морской — уже ленинградцем. Дни неслись стремительно. Но малыш успел услышать пугающее: «пади-пади!», как бы вынырнувших из небытия знаменитых петербургских лихачей, разбитые клаксоны обшарпанных автомобилей, похожих на больших жуков. Он глазел на витрины нэпмановских ма-

газинов, лоснящиеся окошками. Действительность плыла в его пытливых глазах ярким калейдоскопом из какой-то, еще никем не сочиненной, дух захватывающей сказки. Не надо было напрягать воображение — невообразимое само заявляло о себе потрясающими, воочию встающими контрастами. НЭП праздновал, куражась юрью, рассвет своего скорого заката.

Пригодится это все ему — шести-семилетнему мальчугану на потом? Будущее скажет.

Привычное не замечает-

ся. Но привычка к прекрасному, а «Северная Пальмира», несмотря ни на что оставалась прекрасной, — духовный «капитал», который, тратить ни тратить, не растратишь за всю жизнь. А какой она будет его жизнь, там — в завтра? Время скажет.

Так вот, проходя галерей лет и часто встречаясь с народным артистом СССР Влади-

славом Стрельчиком на экране и в театре, задаешься вопросом: от-

куда этот всепроникающий «психологизм» в его игре — «без игры». Психологизм несовместимых, казалось бы, контрастных характеров, коим нет числа. Стрельчик — художник не повторяет сам себя.

Штрихи к портрету любой личности — вовсе не фрагменты к ее творческой, а тем более общебытовой биографии. Однако меня не покидает убеждение, что Славик, некогда обнаруживший для себя угрюмых вечных львов на Невской Набережной, не расстался с самим собою взрослым. Не расстался и всегда подкашивал своему единокровному тезке, ставшему юношей, на съемочной площадке первого в его судьбе фильма «Машенька», как надо удивляться «чуду»

звука имени Машенька и восхищаться до слез этим русским нежно трогательным звуком. А может это анушал режиссер кинокартины, учитель и наставник Юлий Яковлевич Ройзман? Как знать! Нерв у сердца жизни обрывается только раз. Но он не оборвался. Болит? Возможно. Но и радуется тоже.

Он не пал на поле боя — тот маленький Славик, когда старший сержант Владислав Стрельчик на фронте, защищавшем его родной город, бил фашистов. И в кадровой перед войной в сороковом они служили вместе. А затем с победой, и уже для других жизнеутверждающих побед, вернулись на «Ленфильм», враз, от восторга, задержав дыхание, поднялись на высокую сцену Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького. Артист именем бога? Судьбы? Или это одно и то же? Да не все ли равно! Здесь для меня, важно одно — он явился в «тысячах лиц», и, встречаясь с ним, ты испытываешь чувство благодарного восхищения перед покоряющей, доброй силой его таланта.

Его рождение — начало жизни, мир интересов, мир созданных им образов —

не только ему принадлежащий мир. Он и твой во всех мыслимых и немыслимых (но открытых благодаря ему) разнополярностях.

Однажды Шакен Айманов, незадолго до своей трагической кончины, в одной случайной беседе с писателем Алексеем Брагинным, с обычным своим добродушным юмором заметил: «Актера не открывают, актер сам открывается. — и добавил, хмыкнув — рискуя при этом оказаться голым». Спасибо блокноту. Шакен-ага был щедрым не только на шутку.

Владислав Стрельчик и Шакен Айманов дружили. И это была не просто творческая дружба. Рождество душ здесь кроется. Я не совсем точно формулирую то, что сказал по этому поводу Владислав Игнатьевич. Но суть этой мысли выражена им.

Для себя мной открыто, (надо полагать, таких открытий с миллион наберется), что Стрельчик — художник глубоких психологических, не могу определить, проникновенный или постижений. Он играет мысль через душу и душу через мысль. В предлинном свитке созданных им образов более «близок» нам — казахстанцам — Дутов в ленте «Казахфильма» «Конец атамана». Я еще потону останавливаясь на Дутове, что артист только что на встрече в нашей редакции сам дешифровал процесс работы над этой, опять же глубоко психологической ролью. Шакен Айманов, режиссер-постановщик, предложил: «У нас что-то, того, с атаманом не получается — берись, выручай». Недоставало фактуры. Дутов как-никак — фигура историческая. Но это

полбеда, существуют «толщинки», подклейки и тому подобные костюмерно-гримерные ухищрения. Не было (откуда взяться?) атаманского характера. «Противно было и прикасаться» — это точные слова самого артиста. Но на то он и мастер.

И вот он — зрительный ряд «Конец атамана» перед нами. Асанали Ашимов и Владислав Стрельчик рядом в кадре. Не они, а советский разведчик, чекист и кумир белогвардейского сброда, изгнанный за пределы молодого Советского государства, но до конца не обезвреженный.

Что же сыграл, что же воплотил Стрельчик в «своем» Дутове? И снова он сам отвечает на этот вопрос, а мы видим его на киноэкране и соглашаемся с ним вполне: «Властолюбие, мачиакальное властолюбие применительно к обстоятельствам, меняет свою личину. Сама же природа, «ядром» этой заразы — одинаково обитает и в дутовых, и в гитлерах с поправкой на масти. И на этот раз опять «писался», точнее — творился психологический портрет. В резких, реалистических тонах. На нас взирали глаза маньяка-убийцы, гляделась маска идола жестокости с тупо вздернутым подбородком. Туго сбитая фигура и — Стрельчик не был бы Стрельчиком — элегантно-барственный нег в каждом воистину тигрином повороте, жесте, и, надо же —

во взгляде. Артист играл не схему отрицательных, статично зафиксированных «данных» о данном характере, он вскрывал духовный распад незаурядной личности. Гитлер-дурак — слишком банальный анекдот. Дутов — одна из ущербных величин некогда сиятельной имперской элиты. Таким его и «воскресил», а затем со столь же царственным величием, зарыл в яму артист. И не его персонально — все жалкие останки дутовщины в целом.

В длинном ряду столь же ярко исполненных ролей на сцене и в кинематографе — эту роль Владислав Игнатьевич «любит» особо, возможно за то, что в ней он совершил, даже для него, нечто невозможное.

Окороки в витринах, «пади-пади!» — видения детства, однако пригодились. У мысли, где-то в недрах ее, таятся немислимые повороты. А они — это генеральная творческая суть, духовный мир артиста именем бога или судьбы... Какая разница! Ты встретился с ним и в этом твоём ни с чем несравнимом эстетическом счастье.

Василий БЕРНАДСКИЙ.

НА СНИМКЕ: Владислав Стрельчик.

Фото В. Глущенко.

